

11. Popov D. V. *On the question of the correlation of criminal law concepts: coercion and violence. Topical issues of the criminal process in modern Russia: inter-university collection of scientific papers*. Ufa, 2003. 236 p. (In Russ.)
12. Gladysheva I. P. *Legal refusal: theory, practice, technique: abstract of diss. of the Cand. of Law*. Nizhny Novgorod, 2010. P. 19. (In Russ.)
13. Artamonova E. A. *The will of the accused in criminal proceedings*. Moscow, Yurlitinform, 2019. 336 p. (In Russ.)
14. Artamonova E. A. The will of the accused (suspect) as a criminal procedure category. *Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 1025—1034. (In Russ.)
15. Novikova E. A., Chaplygina V. N. Conditions of psychological impact in the field of criminal procedural relations: general features and specifics. *Problems of law enforcement*, 2017, no. 3, pp. 19—25. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 10.10.2022.
The article was submitted 29.09.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Научная статья

УДК 343

DOI:10.25683/VOLBI.2022.61.468

Султан Таласович Хапчаев

Candidate of Law
Associate Professor of the Department of State
and Civil Law Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia (Stavropol branch)
Police Second Lieutenant
Stavropol, Russian Federation
hapchaev82@yandex.ru

Владимир Геннадьевич Кокорев

Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Procedure,
Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russian Federation
pochta735@mail.ru

Султан Таласович Хапчаев

канд. юрид. наук,
доцент кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Ставропольский филиал Краснодарского университета
МВД России
младший лейтенант полиции
Ставрополь, Российская Федерация
hapchaev82@yandex.ru

Владимир Геннадьевич Кокорев

ст. преп. кафедры уголовного права и процесса,
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
Тамбов, Российская Федерация
pochta735@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА В МУСУЛЬМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ: НА ПРИМЕРЕ НАКАЗАНИЯ ВЕРООТСТУПНИКОВ

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. В данной статье авторы поднимают весьма актуальную проблему ограничения религиозной свободы, что является одним из наиболее распространенных объектов критики со стороны научного сообщества, интересующегося проблемами мусульманского права. Автор признает, что в свете глобальной тенденции по утверждению свободы совести и вероисповедания, начало которой было положено в XVII в., ислам остается единственной мировой религией, предусматривающей суровые санкции за обращение в другую веру или отстаивание атеистической позиции теми людьми, которые ранее были мусульманами. Даже сегодня в целом ряде государств с преимущественным мусульманским населением юридические санкции за вероотступничество предусматривают серьезные санкции, включающие тюремное заключение и даже смертную казнь.

Предусмотренное законом наказание за вероотступничество, по мнению отдельных ученых, применяется как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, поскольку считается, что оно основано на необходимости защищать религию от тех, кто стремится причинить ей вред, манипулировать ею или восстать против нее.

Проводя классификацию преступных деяний согласно мусульманскому праву, авторы по остаточному принципу относят простое вероотступничество к категории «тазир», то есть к таким деяниям, наказания за которые четко не прописаны в Коране и сунне, а, следовательно, их конкретная интерпретация будет зависеть от усмотрения властей. В этой связи автор считает совершенно очевидной невозможность отождествления простой смены человеком своих убеждений и отхода от ислама, выражающегося в предательстве мусульман, дезертирстве, шпионаже в пользу иностранного государства, публичном высмеивании мусульманских святынь и т.п. В современном мире, по мнению авторов, вопрос веры затрагивает сугубо отношения между Богом и человеком, поэтому не может предусматривать никакого юридического наказания, за исключением тех случаев, когда неверие сопряжено с деяниями, причиняющими вред мусульманской общине либо отдельному человеку.

Ключевые слова: свобода, религия, права человека, мусульманское право, шариат, преступление, вероотступничество, хадд, кисас, тазир

Для цитирования: Хапчаев С. Т., Кокорев В. Г. Религиозная свобода в мусульманской правовой доктрине: на примере наказания вероотступников // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 4(61). С. 244—248. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.61.468.

Original article

RELIGIOUS FREEDOM IN THE MUSLIM LEGAL DOCTRINE:
ON THE EXAMPLE OF THE PUNISHMENT OF APOSTATES

5.1.4 — Criminal Law sciences

Abstract. In this article the authors raise the highly topical issue of the restriction of religious freedom, which is one of the most common objects of criticism from the scholarly community interested in the problems of Muslim law. The authors acknowledge that in light of the global trend toward freedom of conscience and religion that began in the 17th century, Islam remains the only world religion that provides severe sanctions for converts or atheists who were formerly Muslims. Even today, legal sanctions for apostasy in a number of states with predominantly Muslim populations include serious penalties that include imprisonment and even the death penalty.

The statutory penalty for apostasy, according to some scholars, applies at both the individual and collective level because it is believed to be based on the need to protect religion from those who seek to harm, manipulate, or rebel against it.

Conducting a classification of criminal acts under Islamic law, the authors on the residual principle refer simple apostasy to the category of *ta'zir*; that is, to such acts, the penalties for which are not clearly prescribed in the Koran and the Sunna, and, therefore, their specific interpretation will depend on the discretion of the authorities. In this regard, the authors consider it absolutely impossible to identify the simple change of a person's beliefs and the departure from Islam, expressed in the betrayal of Muslims, desertion, espionage in favor of a foreign state, public ridicule of Muslim holy places, etc. In the modern world, according to the authors, the question of faith affects purely the relationship between God and man, so no legal punishment can be imposed, except when unbelief involves acts that harm the Muslim community or an individual.

Keywords: freedom, religion, human rights, Islamic law, Sharia, crime, apostasy, *hadd*, *qisas*, *tazir*

For citation: Khapchaev S. T., Kokorev V. G. Religious freedom in the Muslim legal doctrine: on the example of the punishment of apostates. *Business. Education. Law*, 2022, no. 4, pp. 244—248. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.61.468.

Введение

Актуальность. В современную эпоху глобального распространения идеи прав человека, обязательным элементом которой является свобода вероисповедания, объективное исследование вопроса правомерности наказания за вероотступничество в мусульманском праве, как одной из наиболее распространенных правовых систем, является крайне важным с точки зрения имиджа ислама как мировой религии, способной адаптироваться к изменяющимся условиям жизни общества.

Степень изученности поднимаемой автором проблематики для отечественной науки уголовного права представляется крайне низкой. В российской правовой литературе существуют лишь эпизодические и мало друг с другом связанные исследования, в той или иной степени затрагивающие данную проблематику.

Целесообразность разработки заявленной темы состоит в утверждении аргумента о том, что преследование человека только вследствие смены религиозных убеждений либо отказа от таковых является одной из самых неприглядных форм религиозной нетерпимости, которая, помимо прочего, способствует восприятию религии в качестве барьера для развития цивилизованного общества.

Научная новизна исследования проявляется в том, что в свете современных реалий, и в отличие от широко распространенного в мусульманском мире подхода автор стремится рассматривать простое вероотступничество как смену убеждений, не отягощенную какими-либо поступками, посягающими на государственные интересы, общественную мораль, религиозные права других верующих и т.д.

Целью данного исследования является опровержение поддерживаемого многими мусульманскими мыслителями суждения о том, что вероотступничество в исламе, выражающееся в простой смене убеждений и не отягощенное иными проступками, является тяжким преступлением, нередко караемым смертной казнью [1—5].

Задачи:

– провести классификацию преступных деяний по мусульманскому праву и определить, к какой категории относится вероотступничество;

– выявить конкретно-исторические факторы, послужившие мотивацией для криминализации вероотступничества;

– обосновать довод о том, что в современном мире криминализация простого вероотступничества служит тормозящим фактором для прогресса мусульманского общества.

Методологическую основу исследования формируют диалектический метод научного познания, общенаучные и частнонаучные методы, такие как логический, исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный, а также терминологический анализ.

Теоретическая и практическая значимость исследования проявляется в том, что оно позволяет в свете новых политико-правовых реалий ответить на такие актуальные вопросы, как: 1) является ли вероотступничество выражением личного мнения или актом агрессии против общества и его коллективных прав? 2) действительно ли существует консенсус среди мусульманских ученых относительно необходимости казни тех, кто отступает от ислама? Правильное понимание данных аспектов будет способствовать формированию более четких представлений о месте и роли мусульманского права в современном мире.

Основная часть

Мусульманской правовой доктрине всегда была свойственна целая палитра взглядов даже на самые фундаментальные вопросы, что в определенной степени обусловило сохранность мусульманского права вплоть до сегодняшнего дня. Открыто вступая в полемику, ученые проверяли на прочность свои теории, подтверждая одни и опровергая другие. В этой связи весьма примечательным является тот факт, что мусульманские ученые, особенно классического периода исламской юриспруденции, мнения которых часто расходятся в не столь принципиальных и ответственных вопросах (например, в вопросе о положении рук во время молитвы), обнаруживают удивительное единогласие относительно наказания за вероотступничество, где ценой вопроса выступает человеческая жизнь. Не остается в стороне даже виднейший российский исследователь мусульманского права Л. Р. Сюкияйнен, который утверждает, что санкция в виде смертной

казни «совершенно очевидно установлена пророком Мухаммедом, который, в частности, говорил: «Если кто-нибудь изменил свою религию, то убейте его»» [6, с. 245]. Еще более непонятной такая ситуация становится с учетом того, что в Коране не содержится положений, обязывающих применять смертную казнь в отношении вероотступников.

Если вероотступничество по мусульманскому праву действительно является преступлением, то было бы целесообразным определить, к какой категории преступлений оно относится.

Отметим, что все преступления исламская правовая доктрина подразделяет на три категории:

1. Хадд, или во множественном числе худуд (с араб. — границы, пределы), — такое деяние, которое преступает пределы, установленные Богом, и влечет строго фиксированную санкцию. В Коране не раз упоминаются данные пределы и вводится категорический запрет не только на преступление барьеров, но даже на приближение к ним (Коран 2:187) [7]. К группе худуд относятся такие деяния, как кража, разбой, клевета, прелюбодеяние, употребление алкоголя и др. При этом мы не разделяем точку зрения, согласно которой вероотступничество относится к данной категории преступлений [8, с. 84—85; 9, с. 111—112; 10, с. 24—25], в силу того, что одной из существенных характеристик преступлений худуд является то, что они считаются «преступлениями против Бога», поэтому люди не вправе прощать виновного. Иными словами, официальные власти, реализующие функцию правосудия, не вправе изменять меру наказания на менее строгую, рассматривать всяческие ходатайства о прощении виновного или иным способом проявлять снисхождение к человеку, вина которого доказана.

Подтверждением нашего аргумента могут служить положения договора Худайбии, который был подписан после того, как язычники Мекки не позволили Мухаммаду и остальным мусульманам совершить малое паломничество [11]. Одним из наиболее примечательных условий Худайбийского договора являлось то, что мусульмане были обязаны возратить обратно любого мекканца, который хотел примкнуть к Мухаммаду и принять ислам. В противоположной же ситуации, когда кто-либо из мусульман решал отречься от ислама и примкнуть обратно к язычникам, Мухаммаду предписывалось не препятствовать этому, а у курайшитов, соответственно, не было обязанности выдать такого человека мусульманам [12].

Неудивительно, что многие мусульмане были недовольны условиями договора, считая их несправедливыми и даже унижительными, однако в ниспосланном по этому поводу аяте говорится: «Воистину, Мы даровали тебе явную победу» (Коран 48:1). И хотя Худайбийское соглашение через год было нарушено, произошло это сугубо по вине мекканцев. Кроме того, нет никаких исторических данных, указывающих на намерения Мухаммада прервать действие данного договора.

Если бы наказание вероотступников было бы для Мухаммада столь принципиальным вопросом, относительно чего имелись четкие божественные установления, то было бы крайне маловероятным, чтобы Мухаммад поступил своими религиозными обязанностями в угоду политическим и пропагандистским целям. Здесь некоторые могут возразить, что Худайбийское перемирие имело место в более ранний период истории ислама, когда наказание за вероотступничество еще не было четко установлено. Однако слабость такой аргументации заключается в отсутствии достоверной исторической информации о том, когда такое наказание было прописано в шариате (и было ли это вообще).

2. Кисас (с араб. — месть, возмещение). Сюда относятся преступления против жизни и здоровья человека (убийство, нанесение телесных повреждений), которые караются по принципу талиона или путем взимания соответствующего денежного эквивалента. Очевидно, что вероотступничество не может относиться к данной категории преступлений в силу невозможности нахождения эквивалентного наказания.

3. Тазир (с араб. — удержание), которая охватывает широкий круг противоправных деяний, имеющих в качестве объекта посягательства, — главным образом, общественный порядок. К данной категории можно отнести такие деяния, как открытое несоблюдение важнейших религиозных обязанностей (молитва, пост, выплата закята и т.д.), нанесение имущественного ущерба, мошенничество, шпионаж, колдовство и др. За данные преступления в шариате не предусмотрено фиксированного наказания, поэтому решение вопроса об избрании конкретной санкции отдается на усмотрение судьи или иного уполномоченного должностного лица. Санкция зависит от множества социально-экономических и политических факторов и может варьироваться в довольно широком диапазоне: от устного замечания, штрафа, домашнего ареста, до побивания плетью, тюремного заключения или даже смертной казни. К последней апеллируют в исключительных случаях, так как главной целью наказания скорее является не месть или восстановление поправного божественного права, а, как следует из названия рассматриваемой группы преступлений, исправление человека и недопущение совершения им деяний, образующих первые две категории.

В строгом смысле слова категория «тазир» в наименьшей степени отражает эксклюзивно мусульманский подход к проблеме преступности, так как предполагает свободу в интерпретации канонических текстов (следование духу, а не букве закона), возможность создания новых норм, в том числе и путем заимствования. Косвенно это подтверждается мнением Л. Р. Сюкияйнена, который считает, что именно реализация шариатских наказаний худуд и кисас выступает главным условием характеристики уголовного законодательства как исламского [6, с. 260]. Тем не менее важность категории «тазир» отрицать не приходится, поскольку она выступает важной формой адаптации мусульманского права к изменяющимся социальным условиям.

Учитывая особенности трех вышеназванных категорий, вероотступничество, выражающееся в простой смене убеждений и не сопряженное с государственной изменой, убийством и восстаниями, если и можно считать преступлением, то его следует отнести именно к категории «тазир», поскольку шариат не предусматривает четко фиксированного наказания за отречение от ислама. Следовательно, конкретная интерпретация вероотступничества будет зависеть от усмотрения властей. При этом, казалось бы, логика требует того, чтобы в спорных ситуациях законодатель делал выбор в пользу менее репрессивных мер, подчиняясь известному кораническому принципу: «... кто убьет человека не за убийство или распространение нечестия на земле, тот словно убил всех людей, а кто сохранит жизнь человеку, тот словно сохранит жизнь всем людям» (Коран 5:32).

На наш взгляд, единственным логическим основанием лишения человека жизни либо наложения иных наказаний вследствие отхода от ислама является причисление его деяния судом к третьей категории — «фасадун филь-ард», то есть распространение нечестия на земле. Однако, рассматривая вопрос о том, насколько простая смена убеждений может создать смуту и раскол в обществе, подорвать его мораль и религиозные чувства, мы вновь сталкиваемся с тем фактом,

на который неоднократно обращали внимание в своих исследованиях. Речь идет о свойственной многим мусульманским ученым тенденции регламентировать жизнь современной мусульманской общины, руководствуясь явно средневековыми понятиями о политике и праве.

Так, для целого ряда мусульманских ученых все еще сохраняет идеологическую актуальность ныне безнадежно устаревшая дихотомия мира, согласно которой существует «территория ислама» и «территория неверия». Под последней в широком смысле можно понимать любую территорию, где действуют правовые нормы, основу которых не составляет исламский шариат. И хотя виднейшие исламские ученые не раз высказывались о неактуальности данной концепции, она продолжает существовать на подсознательно-бытовом уровне и выражается в восприятии иностранных (в частности, западных) стран как средоточия неверия и порока [13, с. 117]. Столь настороженное, а подчас и враждебное отношение к западной культуре и образу жизни мы связываем отчасти с отголосками колониальной эпохи и отчасти с агрессивной внешней политикой отдельных государств, направленной на установление контроля над богатым нефтью ближневосточным регионом под видом борьбы с диктатурой и установления демократии.

Как бы то ни было, консервативно и реакционно настроенным ученым следует осознать, что возможности мусульман по свободному исповеданию и проповедованию своей религии в условиях демократического светского государства ничуть не меньше, чем в большинстве мусульманских государств. Большая часть людей в современном мире не живет в условиях информационной изолированности: любой желающий может получить исчерпывающую информацию об исламе через средства массовой информации. Более того, многие из таких консервативно настроенных ученых активно используют современные средства коммуникации, выступают по радио и телевидению, имеют множество подписчиков в социальных сетях, дают фетвы через Интернет с прицелом на международную аудиторию.

Также, в противоположность распространенному мнению, стоит отметить, что Коран содержит много положений, поддерживающих свободу вероисповедания, причем формулировались они на протяжении всего периода пророчества Мухаммада. Так, со слов Джабира передается достоверный хадис, согласно которому к Пророку Мухаммаду однажды пришел бедуин и попросил привести его к присяге на верность исламу, что и было сделано. На следующий день бедуин

пришел к Пророку снова и попросил аннулировать его слова, однако Мухаммад отказался. Когда бедуин ушел, Пророк сказал: «Медина подобна мехам плавильной печи: она прогоняет все недостатки, очищая и придавая блеск своим достоинствам» [14]. Как следует из хадиса, Пророк без всякого наказания отпустил человека, сожалевшего о принятии ислама и высказывавшего явные намерения отказаться от принятых на себя в связи с этим обязательств. Аргумент о том, что бедуин на тот момент не был вероотступником, не выдерживает критики, поскольку желание в будущем стать немусульманином однозначно трактуется как одна из форм неверия.

В этой связи отметим, что принуждение людей к исповеданию религии противоречит самой сущности ислама, так как истинная вера возможна лишь на добровольных началах и при наличии свободы совести. Социальная модель, в которой религиозные ритуалы насильственно насаждаются индивидам, является пагубной для исламских ценностей, так как создает благодатную почву для тиранического правления, формируя атмосферу страха, недоверия и лицемерия.

Заключение и выводы

Таким образом, признание простого вероотступничества противоправным поведением или даже преступлением на государственном уровне свидетельствует о весьма тревожной тенденции — желании узаконить то, в отношении чего среди современных мусульманских ученых нет однозначного мнения.

Понимание вероотступничества в классический период развития мусульманской правовой мысли было неразрывно связано с вопросами политической лояльности. Общественная опасность вероотступничества заключалась не в нарушении сакральной связи между Богом и человеком, а в предательстве тех обязательств, которые возлагались на человека мусульманской общиной. В современных же условиях мы считаем совершенно очевидной невозможность отождествления простой смены человеком своих убеждений и отхода от ислама, выражающегося в предательстве мусульман, дезертирстве, шпионаже в пользу иностранного государства, публичном высмеивании мусульманских святынь и т.п. В этой связи простое вероотступничество, если и стоит считать противоправным, то его следует причислять к категории «тазир», то есть таких деяний, наказания за которые четко не прописаны в Коране и сунне, а, следовательно, их конкретная интерпретация будет зависеть от усмотрения властей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Iran: Islamic Penal Code, 20 November 1991. *UNHCR*. URL: <https://www.refworld.org/docid/518a19404.html>.
2. The Penal Code of United Arab Emirates. URL: <https://cdn.expatwoman.com/s3fs-public/UAE%20Penal%20Code.pdf>.
3. Penal Code of Mauritania — Ordinance 83—162 of 9 July 1983. URL: <https://acjr.org.za/resource-centre/penal-code-of-mauritania/view>.
4. Law No. 11 of 2004 Issuing the Penal Code 11. Qatar legal portal. 2004. URL: <https://almeezan.qa>.
5. Abdullahi A. An-Na'im. Religious Minorities under Islamic Law and the Limits of Cultural Relativism // *Human Rights Quarterly*. 1987. Vol. 9. No. 1. Pp. 1—18.
6. Мировые религии о преступлении и наказании / С. В. Бабкина, А. И. Бойко, О. А. Мозговой и др. ; год науч. ред. А. Толкаченко, К. Харabet. М. : Рипол Классик, 2013. 339 с.
7. Священный Коран. URL: <https://quran-online.ru/>.
8. Сюкийнен Л. Р. Мусульманское уголовное право: теоретические основы и современная практика // *Современное уголовное право и криминология: сборник научных трудов*. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2007. С. 80—106.
9. Манна А. К. Ответственность за вероотступничество по мусульманскому уголовному праву // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия : Юридические науки. 2013. № 2. С. 111—115.
10. Кононкова Н. В., Говенко С. А. Преступления категории «хууд» («хадд») в мусульманском уголовном праве // *Вестник Амурского государственного университета*. Серия : Гуманитарные науки. 2016. № 72. С. 21—26.

11. Худайбийский мирный договор // Газета Ас-салам. URL: <https://as-salam.ru/news/4770/>.
12. Ibn Hisham Abu Muhammad Abd al-Malik Al-Sirah al-Nabawiyyah. 1st Edn., ed. al-Abyari, Ibrahim. Beirut : Dar Ihya al-Turath al-Arabi, 1994. 3:346.
13. Хапчаев С. Т. Проблема равенства и неравенства в мусульманской правовой доктрине : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2010. 189 с.
14. Judgments (Ahkaam) // Sahih al-Bukhari 7216. URL: <https://sunnah.com/bukhari/93>.

REFERENCES

1. Iran: Islamic Penal Code, 20 November 1991. UNHCR. URL: <https://www.refworld.org/docid/518a19404.html>.
2. The Penal Code of United Arab Emirates. URL: <https://cdn.expatswoman.com/s3fs-public/UAE%20Penal%20Code.pdf>.
3. Penal Code of Mauritania. Ordinance 83—162 of 9 July 1983. URL: <https://acjr.org.za/resource-centre/penal-code-of-mauritania/view>.
4. Law No. 11 of 2004 Issuing the Penal Code 11. Qatar legal portal. 2004. URL: <https://almeezan.qa>.
5. Abdullahi A. An-Na'im. Religious Minorities under Islamic Law and the Limits of Cultural Relativism. *Human Rights Quarterly*, 1987, vol. 9, no. 1, pp. 1—18.
6. Babkina S. V., Boiko A. I., Mozgovoï O. A. et al. *World religions about crime and punishment*. Ed. by A. Tolkachenko, K. Kharabet. Moscow, Ripol Klassik, 2013. 339 p. (In Russ.)
7. *The Holy Quran*. URL: <https://quran-online.ru/>. (In Russ.)
8. Sukiyainen L. R. *Muslim criminal law: theoretical foundations and modern practice. Modern Criminal Law and Criminology: collection of scientific works*. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2007. Pp. 80—106. (In Russ.)
9. Manna A. K. Responsibility for apostasy under Muslim criminal law. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, 2013, no. 2, pp. 111—115. (In Russ.)
10. Kononkova N. V., Govenko S. A. Crimes of the category «hudud» («had») in Muslim criminal law. *Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities*, 2016, no. 72, pp. 21—26. (In Russ.)
11. Hudaybiy peace Treaty. *Gazeta As-salam*. URL: <https://as-salam.ru/news/4770/>. (In Russ.)
12. Ibn Hisham Abu Muhammad Abd al-Malik Al-Sirah al-Nabawiyyah. 1st Edn., ed. al-Abyari, Ibrahim. Beirut, Dar Ihya al-Turath al-Arabi, 1994, 3:346.
13. Kharpchaev S. T. *The problem of equality and inequality in the Muslim legal doctrine: diss. of the Cand. of Law*. Stavropol, 2010. 186 p.
14. Judgments (Ahkaam). *Sahih al-Bukhari 7216*. URL: <https://sunnah.com/bukhari/93>.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 08.10.2022; принята к публикации 16.10.2022. The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 08.10.2022; accepted for publication 16.10.2022.

Научная статья

УДК 347.1; 346

DOI: 10.25683/VOLBI.2022.61.467

Indira Zakirovna Shagivaleeva

Candidate of Pedagogy, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Faculty of Law,
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation
ishagivaleeva@mail.ru

Индира Закировна Шагивалеева

канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического факультета,
Оренбургский государственный университет
Оренбург, Российская Федерация
ishagivaleeva@mail.ru

Tatyana Valerevna Konoplyannikova

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Faculty of Law,
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation
tatoshka.miss@mail.ru

Татьяна Валерьевна Коноплянникова

канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического факультета
Оренбургский государственный университет
Оренбург, Российская Федерация
tatoshka.miss@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕГИСТРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В КАЧЕСТВЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. Сущность предпринимательской деятельности заключается в удовлетворении спроса на товары, услуги, работы. Главная цель предпринимательской деятельности — это получение максимальной

выгоды, при этом она должна быть систематической и постоянной.